

# Как городу удалось сохранить

В 2016 году мне довелось поработать с документами из старой бумажной папки, которая бережно хранится в Ратминском храме. Практически все они являются подлинниками, относящимися к 1988-1989 годам - периоду, в который происходила своеобразная борьба за то, чтобы передать храм верующим.

В этой папке находились документы, свидетельствующие о проведении в мае 1973 года комиссии Государственного исторического музея, которая дала заключение, что здание церкви нужно сохранить как памятник архитектуры XVIII-XIX веков.

Потом было решение от 19.09.1973 г. о включении памятника в комплекс проектируемого ОИЯИ пионерлагеря-профилактория, затем были изменения генплана объекта в 1978-1979 годах, и в конце концов этот вопрос включили в сентябре 1982 года в указы избирателей, что для тех лет было совершенным противоречием устоявшемуся общественному строю.

Во всех документах есть фразы: «по просьбе общественности города комиссией проведено обследование...», «в адрес дирекции ОИЯИ было направлено открытое письмо общественности города с предложением о сохранении здания церкви...», «судьба памятника глубоко волновала жителей города...»

Мне тогда очень хотелось узнать, кто же был этой благоразумной общественностью, которая на протяжении стольких лет неустанно продвигала этот непростой вопрос по восстановлению единственного здания старинной церкви в нашем молодом городе.

И вот недавно, приглашая известного дубненского краеведа и историка Николая Николаевича Прислонова на конференцию к 190-летию Ратминского храма, услышала совет: «Поговори со Станиславом Артемовичем Бабаевым, возьми у него интервью. Это ведь он в советское время двигал проект по восстановлению храма».

В начале декабря мы договорились о встрече для интервью. И вот статья-интервью с воспоминаниями одного из главных участников этого проекта готова. Нашелся ответ на вопрос «Кто же был той благоразумной общественностью, которая 15 лет неустанно искала возможность восстановления здания церкви?» «Благоразумная советская общественность» из научного городка нашлась.

## Интервью

### со Станиславом Артемовичем Бабаевым

**- К 80-м годам прошлого века храм был разрушен очень сильно. Как городские власти пришли к решению восстановить его, ведь времена были совсем другие. Вы в то время работали в исполкоме (аналог нынешней администрации) или в горкоме (ныне - совет депутатов)?**

- В разное время я трудился во всех руководящих городских структурах. С 1973-1977 гг. - в горкоме комсомола, потом учился в высшей партийной школе, затем заведовал отделом пропаганды в горкоме партии, потом - не в исполкоме, а хуже (смеется) - председателем комитета народного контроля.

**- Какой сегодняшней структуре аналогичен комитет народного контроля?**

- КРУ - контрольно-ревизионное управление. Только, конечно, была немножко другая схема. Раньше комитет народного контроля вникал во все дела в городе. Мы помогали всем и контролировали все направления работы. Основной задачей был контроль за хозяйственной деятельностью в городе. И храм попал под этот контроль.

**- И как вы начали заниматься храмом, узнали, что кто-то что-то не выполняет?**

- Получилось так, что, действительно, пользуясь «служебным положением», заставлял восстанавливать и реставрировать. А привела к этому следующая ситуация: в то время в городе активно работала хоровая студия. Она разрослась и стала выходить за рамки

студии, которая располагалась на территории детского сада. Нам надо было одновременно решить две проблемы: куда-то разместить хоровую школу и отремонтировать добротное здание в городе, на тот момент разрушенное и бесхозное. Если говорить о церкви, то меня не стоит в этом смысле отождествлять со спасителем церкви.

В те годы, начало 80-х, у нас в городе никакой явной церковной общины не было, и мы, собственно говоря, обратили внимание на церковь потому, что, если ее восстановить в светском облике, то



Церковь Похвалы Пресвятой Богородицы в Ратмино, 1980-е годы

это будет прекрасный хоровый зал. Мы предполагали, что там будет и само пение, и люди верующие, если появятся, смогут разместиться. Стало присматриваться.

Состояние постройки было ужасное. Здание вроде не разрушили, как многие церкви, но с переводом профтехучилища из Ратмино на левый берег в 1971 году оно осталось на десятилетие без хозяйки. В училище там размещались и столовая, и спортзал. Под куполом стояла цистерна для горячей воды. Все это было брошено, и однажды там случился пожар. Ну, в общем, неприглядный, страшный был вид.

Мы стали думать, как подбросить к идее восстановления здания. Поэтому, когда Объединенный институт ядерных исследований реально задумал строить профилакторий, ему в нагрузку дали восстановление и реставрацию церкви. В том районе дел было много: предстояло снести ветхую и пожароопасную улицу Ратмино и предоставить людям жилье, что и сделал Институт - жилье всем дали. Дома с дровяными печками снесли. Оставались три дома, из которых намеревались сделать музей русского быта. Туда притащили всякие старинные предметы: прялки, веялки и т.п.

**- Но осталось только два дома старой постройки...**

- Да. Они остались, и «война» потом и за них была. Люди, жившие в этих домах, получили квартиры в городе. Но, учитывая, что сторожить эти дома было некому, им разрешили заниматься там огородничеством и заодно присматривать за домами. А потом эти люди сказали, что никуда не уйдут (смеется). Ну, вот вкратце так.

Институт тогда строил профилакторий, занимался

расселением, а церковью практически не занимался, она оставалась на втором плане. К тому времени я перешел работать в народный контроль. В какой-то момент там стали торопить Институт: «Ребята, все хорошо, но церковь надо делать». Нарисовали эскиз церкви, заканчивалась она двумя шпилями, без крестов. Делали светское помещение, потому что, повторюсь, не было такого, чтобы кто-то приходил и просил храм открыть.

**- Может, в те времена просто боялись ходить в горком или исполком с подобными просьбами?**

- Да всякое было. Но ведь не 37-й год был, не так-то уж и боялись. Просто другой контингент в городе сложился: старики, жившие здесь раньше, уже ушли из жизни, а люди, которые приехали работать в Институт, были далеки от церковных дел. Поэтому мнение сложилось такое: здание разрушается, а ведь его можно использовать, а заодно и Ратмино обустроить, чтобы все было красиво. Когда профилакторий строили, мы попросили ОИЯИ подвести теплотель и к храму. К тому времени уже была проложена теплотрасса от восточной котельной для нужд профилактория. Со строительством профилактория Институт, конечно, вдохнул жизнь в Ратмино: дорогу новую проложили и т.д.

Вскоре дело дошло до реставраторов. Занялись церковью. К тому времени у нас уже собралась группа энтузиастов этого дела, среди которых был и я. Туда входили и Коля Прислонов, и Дмитрий Иванович Ширков, Женя Молчанов, из девушек, вроде, Ольга Мелкумова. (Николай Николаевич Прислонов заверил, что его в этой группе не было, так как к этому времени он уже уехал работать по дипломатической линии в Монголию. Евгений Макарьевич припомнил, что всего было человек 15-20, в основном сотрудники ОИЯИ, но точный список участников суб-

ботника, увы, потерялся. - Прим. автора.)

Первый субботник состоялся зимой. Реставраторы привезли металлические леса и бросили их метрах в ста от храма, так как невозможно было подъехать ближе. Мы туда пришли, молодые, гордые, особенно академик Дмитрий Иванович Ширков, и на своих руках перетаскивали по сугробам леса ближе к зданию, где их надо было собирать. Целый день там пахали.

**- Может быть, кто-то фотографировал?**

- Тогда техники такой не было, да и ни к чему было брать фотоаппарат, когда идешь трубы таскать. Вряд ли кто фотографировал... Когда наконец-то приехали реставраторы, еще народ подтянулся, помогли многие. Потом привезли белый камень и другие материалы. Мы все это таскали, разгружали. (Начали проводиться первые регулярные субботники, которые организовывала сначала работник парткома ОИЯИ, дубненский историк Людмила Федоровна Жидкова, о чем она обещала обязательно рассказать автору статьи. - Прим. автора.)

Потом приступили к самому неприятному - начали откапывать церковь. Она была очень сильно прикопана. Весь цоколь, который мы сейчас видим, находился в земле. Столько выкопали черепов и костей! Хоронили ведь людей почти под стенами храма. Все, что нашли, аккуратно погребли в одной большой братской могиле, которую устроили за храмом, левее от него.

Когда церковь откопали, она стала выглядеть по-другому. Стены зачистили. Окна стали ставить. Так потихонечку церковью стала вырисовываться. И тут ко мне пришли реставраторы с энтузиастами, я сначала даже не понял, к чему они клонят... «Красивая такая церковь, - говорят, - получается...» (смеется). А потом: «Станислав Артемович, давай кресты поставим вместо спилей!» Я им: «Мужики, что вы не знаете наш русский народ? Как только поставим кресты, сразу же придут за церковью (смеется). А они мне: «Да ладно, кто придет? Здесь одна наука живет. Понимаешь, говорят, жалко, красивая церковь, и чего она будет стоять со шпилем каким-то? Должны быть кресты». Я, конечно, долго упирался. Я же всю жизнь «красным» был: комсомол, партком, горком... Но так получилось, что в комитете народного контроля именно я следил за восстановлением церкви.

Все понимали, что я определенным образом «поджигую» петь там или танцевать или еще чего. Но потом они все же меня сломали. И я сказал: «А черт с вами, ставьте кресты!» (Смеемся вместе, потому что получилось яркое противоречие, с такими словами, наверное, в истории еще никто не разрешал кресты на церкви ставить. - Прим. автора.) Ставьте кресты, но помните мое слово - скоро придут за церковью. И точно. Как только приняли решение и поставили кресты, вот тут и появилась «двадцатка» верующих. (В советское время активных двадцать человек одного вероисповедания при ре-



# Ратминскую церковь

гистрации в официальных органах власти могли просить храм в пользование у местной власти или требовать строительство нового храма. – Прим. автора.) И откуда они только взялись, не знаю. Мы их как-то не замечали. У нас были другие проблемы - мы строили город.

**- В 80-е годы верующие в городе уже были, и они ездили на службы кто в Кимры, а кто и в Очево, Орудьево, Дмитров. И, конечно, они знали друг друга. А когда слух пошел, что кресты ставят, решили официально организовать и идти в открытую просить храм.**

- Стали они ко мне ходить просить храм. Я им говорю: «Чего вы ко мне идете? Идите в горком партии». Они мне: «Нет, ты антихрист, ты все «заряжаешь». Мы пришли тебя сломать и пойдем дальше». Я им в ответ: «Что надо-то? Храм мы строили и строим, реставрируем, у нас была другая цель. Мы 15 лет уже этим занимаемся, а вас никого и не было». Ну, и всё - началась эта борьба.

Как-то организовали в исполкоме собрание, меня позвали, Сергея Королева - завотделом пропаганды горкома партии, «двадцатку» верующих. Я немного припоздал, захожу, они все на меня недружелюбно смотрят, поговаривают: «Вот пришел этот, который мешает нам получить церковь».

Меня попросили выступить. Ну, я все и сказал: «Да я не сопротивляюсь. Вы поймите только, что мы все - город, наши ведущие предприятия, строители, горком, исполком, народный контроль - это дело много лет с большим трудом

двигали. Вы каким образом сами будете ее достраивать?» В ответ: «Мы пойдем по квартирам с кружкой денег собирать». «И много так соберете? Не лезьте, дайте довести храм до какого-нибудь законченного вида, хотя бы тепло туда завести», - убеждал я. Вроде послушались. Немного поостыли.

В общем-то, руководство города тогда не для себя это здание делало, а для людей. Но получилось - не для хороших коллективов, а для других людей. Какая разница? Через несколько лет, к 88-89 годам, уже все понятно стало, время менялось. Вскоре организовали заседание горсовета. Верующие требовали, чтобы я на трибуну вышел и ответ по обещанию своему дал. Вышел и говорю: «Что вы от меня хотите услышать? Я вам единственное могу сказать, что я вас не обманул. Я говорил подождите, не мешайте, дайте до ума довести, чтобы уж назад ходу не было. Сейчас церковь внешне достроена».

Я обратился к президиуму исполкома и сказал при всех: «Согласен. Давайте отдавать. Но только если через три года церковь не будет приведена в порядок, отобрать и больше никогда не давать (смеется)».

На этом заседании горсовета приняли решение церковь передать верующим, но мы, кажется, все же включили оговорку «во временное пользование». Вот и все, собственно.

Основные ломовые работы там закончились, внутри все было вычищено. Мы завели в здание тепло, закрыли контур, поставили окна, двери, сделали новый купол,

даже колокольня была доделана, хоть она и пострадала, слава Богу, меньше всего, там только деревянные ступени сгнили.

Институт сдал свой профилакторий. Церковь отдали верующим. Я в середине 1989 года уехал работать на два года в Монголию, вернулся в конце 1991 года и, конечно, добрался до Ратмино. Там уже все было хорошо. Проложили дорожки, внутри помещения стены были оштукатурены, где-то даже зашпаклеваны, где-то покрашены. Несмотря на то, что шли строительные-отделочные работы, в принципе, службы велись, свечи горели, люди были. Меня это все порадовало. Значит, все не зря.

Новую дорогу к храму проложили уже, когда сделали новое каменное ограждение. Это примерно в 2001 году. Администрация города тогда уже серьезно помогала в этом.

**- Значит, все же комсомольцам и коммунистам 80-х вера была не чужда? Если надо было дело делать, то всем помогали?**

- Да, помогали. Я тоже весь из себя «красный», но крещеный же.

**- А где и когда вас крестили? Ведь это не поощрялось.**

- В детстве я жил в Чечне, в Грозном. Там тогда мечетей вообще не было, разве что в дальних аулах, и был один православный храм, очень приличный. Крестила меня бабушка в церкви, чуть ли не ночью. Вспомнился смешной эпизод на том собрании, когда отдавали храм. Меня верующие называли то нехристью, то антихристом. А я им говорю - стоп. Вот я как раз крещеный, а вот среди вас, кажется, нехристей многовато! (смеется).



Елена ЗЛОБИНА



ЗАТЕМ БЫЛО ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ ОТ 19.09.1973 ГОДА О ВКЛЮЧЕНИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ ЭТОГО ПАМЯТНИКА АРХИТЕКТУРЫ В КОМПЛЕКС РАБОТ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ ПРОФИЛАКТОРИЯ В РАТМИНО, КОТОРОЕ ПЛАНИРОВАЛ ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ